

- М-м?

- Я ищу жильё. Работаю, но не в компании. Родственников для поручительства нет, но я гарантирую, что никогда не задержу арендную плату. Долгов тоже нет.

Цугуми выпалил всё разом. Увидев, как Сакутаро заморгал, разинув рот, он резко вернулся в реальность. Что он говорит человеку, которого встретил полчаса назад?

- Простите, я не знаю, что на меня нашло...

- Нет-нет, всё в порядке. Просто вы меня на секунду ошаршили. У нас к работе жильцов не придираются. Есть и офисные сотрудники, и те, кто работает посменно или на полставки. Я вот и вовсе разнорабочий. Так кем вы работаете, Эндо-сан?

Цугуми замешкался. Разговоры о профессии всегда смущали его. Стоило сказать, что он писатель, как люди загорались восторженным любопытством и спрашивали псевдоним. Но большинство никогда не слышали об авторе, чей первый тираж едва достигал восьми тысяч, и откровенность лишь заводила обе стороны в тупик.

- Я... пишу романы, - пробормотал он, и голос дрогнул.

- Вы писатель? Это потрясающе! Под каким именем выходите?

«Вот оно», - с тоской подумал Цугуми. Но теперь отступить было некуда.

- Цугуми Ито.

Как он и ожидал, последовала тишина.

- Цугуми Ито? - переспросил Сакутаро.

- Вы, наверное, не знаете. Ничего страшного. Я не умею себя продавать, - попытался отшутиться Цугуми. Но, встретив серьёзный взгляд Сакутаро, он замолк.

- Цугуми Ито? - Сакутаро нахмурился, словно разочарованный.

- Это правда?

- Д-да...

Когда Цугуми смутился, Сакутаро резко опустил взгляд, а его уши заметно покраснели.

- П-простите. Я просто... не знаю, как правильно на это реагировать, - пробормотал он приглушённо.

Цугуми с недоумением наблюдал, как тот ёрзает. Наконец Сакутаро поднял голову, и его глаза встретились с глазами Цугуми с неожиданной интенсивностью.

- Я никогда не думал, что встречу вас вот так, лицом к лицу. Извините, просто... Я давний поклонник Цугуми Ито. Ваш поклонник.

Ошеломлённый Цугуми мог лишь смотреть, как Сакутаро произносит это, не отрывая от него пристального взгляда.

- Первой вашей книгой, которую я прочёл, была «Ночь, сияющая». Она до сих пор моя любимая.

- Подождите, эту?

Цугуми удивился. «Ночь, сияющая» была одной из его самых мрачных работ, и читатели обычно делились на тех, кому она нравилась, и тех, кто её отвергал. Он не ожидал, что она найдёт отклик у такого открытого и общительного человека.

История рассказывала о мужчине с патологической одержимостью чистотой. Всё началось с того, что он бросил уроки плавания в начальной школе, не в силах ступить на мокрый кафель. С годами список вещей, которых он не мог касаться, только рос, пока не свелся к радиусу в один метр. И всё же внутри этого круга он наконец обрёл покой. В тесном пространстве он смог расслабиться и впервые в жизни крепко заснуть.

Критики называли историю слишком мрачной, но Цугуми хотел исследовать мысль, что то, что для одних - страдание, для других может стать утешением. «Ночь, сияющая» стала ярким воплощением этой темы.

- В конце болезнь главного героя так и не излечилась, верно? Окружающие сдались, ситуация не улучшилась - скорее, ухудшилась, - но он казался счастливым. Это заставило меня задуматься: а нормально ли это? И всё же история не осуждала ни сильных, ни слабых - мне это нравилось. Она словно говорила: «Просто существовать - уже достаточно».

Пылкие слова Сакутаро заставили Цугуми смущённо кивать. Было странно ощущать себя столь захваченным обсуждением собственного творения.

- Забавно. Такой человек мог бы оказаться рядом со мной, но я раньше об этом не задумывался. Хотя теперь, вспоминая, я представляю того парня из школы, который

отказывался прикасаться к поручням в поезде. Когда я читал вашу книгу, я сам переживал сложные времена, и...

Сакутаро запнулся, не договорив.

- Я не могу объяснить это как следует, но я очень рад, что тогда наткнулся на вашу книгу.

Его слова прозвучали тихо, словно он смаковал воспоминание.

- Спасибо.

Цугуми поспешно склонил голову. От такой искренней похвалы захотелось плакать. Писать для него значило разрезать себя на части, чтобы создать второе «я». Эта новая версия, рождённая Цугуми, напоминала его, но не была им. И всё же у неё было простое сердце - такое, что радовалось похвале и сжималось от критики.

- Я никогда не думал, что встречу вас лично, - проговорил Сакутаро, глядя на колышущуюся листву над головой. Лучи солнца отбрасывали на его лицо зыбкие тени, придавая улыбке странную, почти скорбную нежность.

- Но, признаться, я немного удивлён. Думал, вы - молодая женщина.

- А, я часто это слышу. Наверное, из-за стиля или имени. Да и молодостью я не блещу - в этом году мне исполнилось тридцать пять.

Глаза Сакутаро слегка расширились.

- Ой, простите! Я думал, вы мне ровесник.

- А вам сколько, Коя-сан?

- Двадцать семь.

«Неужели я всё ещё выгляжу так молодо?» - мелькнуло у Цугуми, и он с лёгкой улыбкой опустил взгляд. Он решил, что отсутствие жизненного опыта, должно быть, написано у него на лице. Но он всегда выглядел именно так. Ещё в школе ему говорили, что он кажется взрослым, даже солидным. Если с тех пор ничего не изменилось, значит, он и не вырос? От этой мысли стало неловко.

- Ито-сэнсэй, наверное, вам удалось сохранить юность души, - заметил Сакутаро.

Цугуми вздрогнул.

- Что за «сэнсэй»?

- Разве вас обычно так не называют?

- Не совсем.

Цугуми избегал интервью и редко общался за пределами издательства. Его возраст и внешность были мало кому известны, и на улицах он оставался незаметным. Редакторы его скромно продававшихся романов тоже не утруждали себя обращением «сэнсэй».

- Просто зовите меня как обычно. Я буду благодарен.

- Хорошо. Тогда, Цугуми-сан.

Цугуми моргнул. Он ожидал, что к нему обратятся по фамилии.

- Извините, наверное, правильнее «Эндо-сан».

- Нет, называйте так, как вам удобнее, Коя-сан.

- Тогда можно я буду обращаться к вам «Цугуми-сан»? Ваш псевдоним производит сильное впечатление.

- А... хорошо.

- Простите, если это звучит слишком фамильярно.

Даже извиняясь, Сакутаро выглядел искренне счастливым, и Цугуми тронула его открытость. В нём чувствовалась прямота, свойственная людям, которых по-настоящему любили и растили в заботе.

- Можете звать меня как угодно. Сакутаро, Саку, даже Саку-тян, если захотите.

- Это звучит немного неформально для управляющего недвижимостью... Хотя, кажется, мы ещё ничего не решили.

На этот раз Цугуми извинился за свою прямоту, но Сакутаро тут же парировал:

- Всё в порядке.

- Я могу организовать для вас просмотр комнат. Но предупреждаю: дому уже больше сорока лет. Он не в идеальном состоянии.

Когда Цугуми спросил, правда ли это возможно, Сакутаро энергично кивнул:

- Конечно.

- И не беспокойтесь о поручителе. Я поговорю с дедушкой. Он во многом человек без предрассудков. Хотя иногда может отказать и без причины. Но я лично поручусь за вас. Вы произвели на меня хорошее впечатление.

Сакутаро уверенно кивнул, и в его словах звучала твёрдая убеждённость.

- Кстати, об именах... В доме меня никто не зовёт «Коя-сан». Если услышите это, значит, речь о моём дедушке.

- А, понятно. Тогда... Сакутаро-сан.

Лёгкий румянец тронул щёки Сакутаро, а Цугуми с лёгким любопытством склонил голову.

- Нет, просто «Сакутаро-сан» звучит... немного старомодно. Как из исторической драмы.

- Это красивое имя.

- Я не это имел в виду... - пробормотал Сакутаро, и слова его затерялись.

Рядом Цугуми смотрел на солнечные блики, пробивающиеся сквозь листву на землю.

- «Навеки, навеки затеряться в тусклом море мыслей, взирая на одинокий, покинутый образ...»

- А... Хагивара Сакутаро?

- Да, я люблю его творчество. Поэтому, когда меня зовут Сакутаро-сан, я так радуюсь. Мой дедушка тоже его обожает. Говорит, назвал меня в его честь.

- Я так и подумал. Хотелось бы когда-нибудь с ним встретиться.

- Дедушка будет счастлив.

Неподдельная радость Сакутаро оказалась заразной, и Цугуми впервые за долгое время улыбнулся с истинным облегчением.

Жильё было найдено - всего одна из многих проблем, но весьма значимая. С облегчением вздохнув, Сакутаро достал из сумки университетский блокнот. Сидя рядом, Цугуми невольно заметил, как тот аккуратно вывел сегодняшнюю дату, а затем добавил: «Цугуми Эндо-сан (Цугуми Ито-сан), переезд в апартаменты, поручительство - обсудить с дедушкой».

Страницы блокнота были исписаны записями, сделанными потрёпанной перьевой ручкой. Несмотря на непринуждённую внешность, Цугуми поразили его усердие и внимание к деталям, когда дело касалось работы и обещаний.

<http://bllate.org/book/12909/1133863>